

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В УКРАИНЕ: МИРОВОЙ КОНТЕКСТ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Ю.В. Киндзерский*

Предложен институционально-структурный подход, согласно которому выделены институционально-политические, организационно-управленческие, внешнеэкономические, структурно-производственные, финансово-инвестиционные, инновационно-технологические и социальные детерминанты. Их возникновение, содержание и взаимообусловленность представлены в институциональном разрезе. Даны рекомендации по учету выявленных детерминант в определении направлений развития отечественной экономики и производства.

Ключевые слова: деиндустриализация, «промышленный ренессанс», права собственности, олигархия, государственное управление, долговое потребление, истощающее развитие, внешняя зависимость.

JEL-классификация: E61, D02, D24, D63, D72, F43.

Материал поступил 31.07.2017 г.

В течение последних десятилетий в промышленном секторе Украины произошли существенные, но, к сожалению, негативные изменения – сократились объемы производства и численность занятых, деградировала технологическая, отраслевая и организационная структура. По критериям ЮНИДО, это не что иное, как деиндустриализация. Она наблюдается и в развитых странах Запада, и в странах с переходной экономикой, но истоки и последствия деиндустриализации у них разные. Поэтому важной задачей при обосновании ключевых направлений развития украинской экономики является определение основных детерминант, обусловивших ее деиндустриализацию, как в контексте мирового развития, так и сугубо национальных особенностей, что и послужило целью данной работы.

Деиндустриализация и «промышленный ренессанс» в мире: технологический прогресс и социальный регресс

Причины деиндустриализации зависят от технологического уровня производства, уровня доходов и производительности тру-

да. Для развитых стран, где соответствующие показатели высоки, характерна «зрелая» деиндустриализация. У них производство под влиянием НТП смещается в высокотехнологические сектора, ускоряя развитие наукоемких и логистических услуг, от которых зависит рост производительности и инновационность самого производства, а также эффективность поставок его продукции на рынки¹. В переходных (среди которых Украина) и слаборазвитых странах с технологически отсталым производством, низкими доходами и производительностью происходит «преждевременная» деиндустриализация – производство замещается услугами, не связанными с повышением его эффективности, – торговлей, арендой, ремонтом и т. п. Основным количественным признаком и первого, и второго типов деиндустриализации является уменьшение вклада промышленности и со-

¹ ЮНИДО. 2015. Отчет о промышленном развитии 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии. Обзор. С. 8. URL: http://www.unido.org/fileadmin/user_media_upgrade/Resources/Publications/IDR/EBOOK_IDR2016_OVERVIEW_RUSSIAN.pdf

* Киндзерский Юрий Викторович (vkpp@ukr.net), доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и прогнозирования НАН Украины (г. Киев, Украина).

ответствующее расширение сферы услуг в создание ВВП².

Для развивающихся стран, напротив, характерна ускоренная индустриализация. Она проявилась не столько в изменении соотношения между промышленностью и услугами в пользу первой, сколько в превосходящих темпах наращивания промышленного производства в этих странах по сравнению с другими странами³.

Основными ресурсными детерминантами, которые обеспечили развитие промышленности в мире, в частности обрабатывающей, согласно позиции ЮНИДО⁴, стали капитал, трудовые ресурсы, природные ресурсы, энергетические ресурсы и производительность труда (технологии). По степени своего влияния в разных странах они существенно различаются. В развивающихся рост происходил за счет капитальных инвестиций, природных и энергетических ресурсов, в развитых – за счет кардинального повышения производительности труда путем использования трудо- и ресурсосберегающих технологий⁴.

Технологическая детерминанта обеспечила рост промышленного производства в развитых странах, и она же явилась весомой

причиной их деиндустриализации. С одной стороны, выведение производственных мощностей в развивающиеся страны, начавшееся 30–40 лет назад, при последующем опережающем наращивании промышленного импорта из них по сравнению с промышленным экспортом в них (Scott, 2017), послужило толчком для этого явления. С другой стороны – оно только усилилось из-за бурного развития высоких технологий и существенного роста производительности труда в последние два десятилетия при снижении числа занятых в промышленности и уменьшении ее доли в совокупном выпуске (McMillan, Rodrik, 2011).

Глобальный финансовый кризис 2007–2008 гг. вынудил развитые страны пересмотреть свое отношение к промышленной составляющей собственной экономики, поскольку наиболее болезненно он проявился именно у них, тогда как новые индустриальные страны его практически не ощутили. Поэтому усиление роли промышленности и преодоление деиндустриализации экономики развитые страны полагают ключевыми направлениями политики роста.

В частности, США придают особое значение ускоренному развитию «продвинутой» наукоемкой обрабатывающей промышленности (advanced manufacturing). Возрождение американской промышленности должно сопровождаться усилением протекционизма и отказом от слишком либеральных условий внешней торговли (Faux, 2016), применением стимулов, в первую очередь налоговых, для возвращения в страну ранее выведенных из нее производственных мощностей (re-shoring).

Евросоюз в «Стратегии разумного, устойчивого и инклюзивного роста»⁵ наметил увеличить к 2020 г. вклад промышленности в создание ВВП до 20% против 16% в 2010 г. на основе диверсификации производства, повышения его энергетической и ресурсной эффективности. Европейская политика неоиндустриализации предусматривает ускоренное развитие высокотехнологического сектора и производств «зеленой экономики» для обеспечения как высокой произво-

² В течение 1980–2014 гг. доля промышленности в ВВП сократилась в развитых странах с 28,3 до 18,5%, в странах с переходной экономикой – с 38,3 до 28,2%, тогда как вклад услуг увеличился с 61,6 до 75% и с 42,1 до 53,1% соответственно. URL: <http://unctadstat.unctad.org/EN/> (Более подробно о тенденциях мирового промышленного развития (Ярошевич, 2017)).

³ К концу 2014 г. валовая добавленная стоимость (ВДС) промышленности в развивающихся странах увеличилась в 3,5 раза в сравнении с уровнем 1990 г., в развитых странах – в 1,9 раза, в странах с переходной экономикой показатель составил всего 89,6 % от базового года. Настоящий индустриальный прорыв продемонстрировали Китай и Корея, объемы ВДС промышленности в них выросли за 25 лет в 15 и 5 раз соответственно. Китай с 2011 г. стал безоговорочным лидером мирового промышленного производства, вытеснив США с первого места. В 2014 г. страна создавала уже пятую часть (21,8%) мировой ВДС промышленности, тогда как Соединенные Штаты – 16,6%. В течение 1990–2014 гг. доля развивающихся стран в ВДС мировой промышленности выросла с 21,1 до 50,8%, в то же время доля развитых стран уменьшилась с 74,5 до 45,4%, стран с переходной экономикой – с 4,4 до 3,8%. URL: <http://unctadstat.unctad.org/EN/>

⁴ По расчетам ЮНИДО, в развивающихся странах в течение 1995–2007 гг. рост перерабатывающей промышленности в среднем на 4,7% ежегодно обеспечивался влиянием факторов капитала на 14%, трудовых ресурсов – на 2,5%, природных – на 28%, энергетических – на 18%, производительности труда (технологий) – на 6%. В развитых странах среднегодовой рост на 2,6% обеспечивался влиянием указанных факторов на 13,5, 9,5, 2,5, 3 и 34% соответственно.

⁵ Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. 2010. European Commission. Communication from the Commission COM (2010). Brussels. 37 p.

дительности труда, так и увеличения доли добавленной стоимости, полученной внутри Евросоюза, путем поддержки создания производственных мощностей в пределах национальных юрисдикций стран-членов. Ожидается, что это положительно повлияет на рост эффективности хозяйственной деятельности и занятость в смежных секторах экономики, будет стимулировать научно-технический прогресс и появление инноваций (Lichtblau, Matthes, Fritsch, Bertenrath, Gromling, Busch, 2013. P. 13).

Таким образом, в развитых странах происходит вытеснение парадигмы постиндустриализма парадигмой «промышленного ренессанса», без которого информационная и финансовая составляющие экономики самостоятельно уже не могут обеспечить её конкурентоспособность (Вишневецкий, 2013. С. 90–91). Получение новых технологий и продуктов непосредственно связывается с интенсификацией научных исследований, улучшением координации и объединением усилий науки и производства на основе концепции «тройной спирали» («Triple Helix»), доведением объемов финансирования научных исследований и разработок в среднесрочной перспективе до 3% ВВП. Акценты государственной поддержки развития промышленности смещаются из сферы организации производства в сферу исследований и разработок для производства, что связано с чрезвычайной капиталоемкостью и рискованностью последних при относительном удешевлении процесса создания самого производственного объекта или запуска в производство нового продукта. Поэтому говорить об уменьшении и исчезновении такой поддержки нет оснований, наоборот, она, изменяя свою форму и сферу приложения, по масштабам лишь увеличивается. В этом и состоит ключевое отличие современной модели промышленной политики от более ранних в условиях «зрелой» стадии III и начала «восходящей» стадии IV промышленных революций в развитых странах.

Тем не менее высока вероятность того, что научно-технологические достижения этих двух революций создадут развитым странам преимущества только в среднесрочной перспективе, а в долгосрочной заострят социальные проблемы, не уменьшат, а уве-

личат безработицу, причем не только в сфере производства, но и в сфере услуг, усилят неравенство и имущественное расслоение общества, что в целом не устранит проблему деиндустриализации, а наоборот – усугубит ее. Главной причиной этого является быстрое распространение полной автоматизации и роботизации производства и систем искусственного интеллекта. Роботизация заменит человеческий труд не только в производстве с монотонными рутинными операциями, но и в соединении с искусственным интеллектом вытеснит его из сферы управления производством, сферы услуг, причем не только простых, но и наукоемких (Rotman, 2013). Искусственный интеллект позволит обеспечить «индивидуализацию» производства, исходя из требований конкретного потребителя, при одновременном сохранении его масштабности. Роботы с искусственным интеллектом уже сейчас способны заменить не только ряд простых профессий из сферы услуг – повара, парикмахера, уборщика, водителя, но и интеллектуальных профессий, требующих высокой квалификации, – хирурга, инженера-проектировщика, программиста, пилота, менеджера, финансиста, юриста, адвоката, публичного администратора⁶ и т. п.

Структурная безработица приобретет новое качество. Поглощение сферой услуг работников, высвобожденных из производственной сферы вследствие роботизации, существенно ограничится, при этом сфера услуг сама столкнется с проблемой нарастания «лишних» рабочих рук. Не стоит рассчитывать, что начнут бурно развиваться творческие профессии и творческие виды деятельности, которые решают проблему занятости. Общество все больше будет поляризоваться и расслаиваться в социальном и материальном плане, все больше будет исчезать средний класс – основной носитель прогресса и развития, пополняя армию бедных и безработных. Уменьшение среднего класса наблюдается уже сейчас практически во всех развитых странах мира. Уже

⁶ Например, по оценкам, в Великобритании до 2030 г. внедрение интеллектуальных информационных систем в сфере публичного администрирования позволит высвободить из нее около 250 тыс. работников (Hitchcock, Laycock, Sundorph, 2017).

в ближайшие два-три десятилетия может возникнуть катастрофическая для развития общества ситуация, пока не осмысленная в полной мере экономической наукой, а именно: человек, выступая в традиционной «нероботизированной» хозяйственной системе одновременно и трудовым ресурсом (в том числе носителем знаний) при создании продукта, и его потребителем, в случае замещения своего труда, в том числе интеллектуального, трудом роботов одновременно перестает быть и трудовым ресурсом, и потребителем, поскольку теряет доход от продажи своего труда, лишаясь соответственно средств к существованию.

Таким образом, будет углубляться де социализация общества, на одном его полюсе будет концентрироваться небольшая прослойка собственников средств производства и капитала, на другом – нарастать маргинализованная, люмпенизированная и криминализованная прослойка. Поэтому в условиях повсеместного внедрения в экономическую деятельность технологий IV промышленной революции, не требующих использования человеческого труда (физического и умственного), научно-технологическое развитие из фактора социального прогресса превратится в фактор социального регресса и деградации преобладающей части общества, а инклюзивность развития, которая сегодня выступает целью реформ, станет недостижимой.

Чтобы воспрепятствовать распространению и укреплению таких явлений уже сейчас, некоторые политики и бизнесмены развитых стран предлагают меры противодействия им. Например, в Швейцарии и Финляндии поднимается вопрос о безусловном, гарантированном государством, ежемесячном минимальном денежном пособии (базовом доходе) всем гражданам, независимо от наличия у них работы. Билл Гейтс предложил ввести для владельцев компаний налог на роботов в сумме стоимости оплаты труда высвобожденных вследствие их внедрения рабочих. Ученые считают целесообразным принятие своеобразного этического кодекса для производителей и пользователей роботизированных систем по примеру введенного в свое время в генной инженерии, который пре-

дусматривал бы ряд ограничений и принципов их применения (Metz, 2017). Иными словами, они должны не заменять, а дополнять человеческий труд, повышая его эффективность, использоваться только при вредных для человека условиях производства и дефиците свободных рабочих рук; в тех сферах деятельности, где человеческий интеллект способен справиться с задачей, не должен использоваться искусственный, и т. п. Такие предложения со временем будут находить все больше сторонников, иначе социальных катаклизмов, спровоцированных НТП, не избежать.

Деиндустриализация в Украине: институциональный контекст национальных особенностей

Украинская экономика тесно включена в мировую и не сможет устраниваться от ее влияния. Но с учетом изложенного, а также сложившихся тенденций в национальном хозяйстве, нет оснований утверждать, что это влияние было, есть и будет исключительно положительным. С начала вхождения Украины в мировое экономическое пространство 25 лет назад абсолютное большинство стран нарастило объемы промышленного производства, тогда как в Украине оно не только сократилось, составив (без учета теневого сектора) в 2016 г. лишь 72% от уровня 1990 г., но и претерпело серьезные деструктивные изменения, совершенно противоположные произошедшим в мировой промышленности. Существенно увеличилась структурная безработица, но не из-за повышения технологического уровня и продуктивности производства, как на Западе, а вследствие физической ликвидации тысяч перерабатывающих предприятий, в том числе высокотехнологических, причем тех видов деятельности, которые сегодня наиболее динамично развиваются в мире.

Причины деградации украинской промышленности не следует списывать на общие трудности перехода от плана к рынку. Китай, как и Украина, преследуя цель создания рыночной экономики, двигался в противоположном по сравнению с Украиной направлении и за ту же четверть века из полуфеодальной отсталой страны превратился в индустриального лидера мира.

Для объяснения такого украинского «феномена» вышеупомянутый ресурсный подход ЮНИДО к выделению основных детерминант развития промышленности явно ограничен, поскольку он не учитывает инверсионный характер экономических преобразований в стране. В частности, наличие у Украины более высоких стартовых позиций по сравнению с развивающимися странами (в частности, с тем же Китаем) практически по каждой ресурсной детерминанте не позволило ей осуществить экономический рывок. С учетом этого вместо ресурсного целесообразно применить институционально-структурный подход для выявления детерминант. Он учитывает не столько наличие ресурсов, сколько эффективность их использования, исходя из условий ее формирования в стране.

К наиболее значимым детерминантам, которые, с одной стороны, обусловили упадок украинской промышленности, а с другой – являются основой для ее восстановительного реконструктивного развития в перспективе, можно отнести: институционально-политические, организационно-управленческие, внешнеэкономические, структурно-производственные, финансово-инвестиционные, инновационно-технологические, социальные. Эти детерминанты следует рассматривать как с позиций их формирования под влиянием глобальной экономики, так и с точки зрения происхождения внутри страны.

Институционально-политические детерминанты, ставшие катализатором изменений в Украине, касались преобразований в системе отношений собственности – при пересмотре формальных и неформальных норм отношений между субъектами по поводу их притязаний на ограниченные ресурсы и на доходы от их использования. Официально реформа института собственности свелась к номинальной замене собственника – государственного частным – путем ускоренной массовой приватизации. При этом не было должного обоснования ее способов и механизмов, нормативно-правового и организационно-управленческого обеспечения, оказались неучтенными «провалы» и еще не сформированного рынка, и не приспособленного к нему государства. В целом в стране не были созданы «рафи-

нированные» идеальные институциональные условия⁷, указанные Д. Сепингтоном и Дж. Стиглицом в «фундаментальной» теореме приватизации («теореме безразличия») (Sappington, Stiglitz, 1987), обеспечивающие эффективность приватизации для общества. Поэтому она «осуществлялась часто теневыми, а нередко криминальными методами, ... фактически не контролировалась государством» (Барановський, Сіденко, 2004. С. 4), а ее следствием стала передача государственного имущества практически за бесценок бывшей партийно-хозяйственной элите, криминальным авторитетам, новоиспеченным дельцам. В результате в Украине возникла и укрепилась криминально-олигархическая модель государства, в котором всю политическую и экономическую власть де-факто и де-юре получила эта немногочисленная группа лиц, превратившаяся в олигархов исключительно благодаря именно такой приватизации. Сформировались олигархические кланы, постоянно конкурирующие между собой за сферы влияния, государственные ресурсы, национальное богатство (Hale, 2015). Это не только заострило проблему мягких бюджетных ограничений, унаследованную от советской экономики, но и дало толчок распространению экстрактивных политических и экономических институтов в стране⁸, направленных на укрепление власти и обогащение олигархии.

В конце концов это привело к автономизации и обособлению государства от общества, полному игнорированию первым интересов последнего и укреплению не представительской, а «фасадной» демократии. Возник феномен приватизированного олигархией государства, сформировались явления неэффективного и нелегитимного собственника, размытых и незащищенных

⁷ Такими условиями являются: «благосклонное» государство, которое максимизирует общественное благосостояние; конкуренция на рынке и действенные механизмы ее защиты; отсутствие негативных экстерналий; полный доступ производителей к информации (симметричная информация); отсутствие рисков хозяйственной деятельности; полнота контрактов; полная спецификация и защита прав собственности законом, правоохранительными и судебными органами; невозможность в рамках политической системы получения личной выгоды политиками и бюрократией от принятых ими государственных решений.

⁸ Термин «экстрактивные институты» предложен Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном (2015. С. 92–97).

прав собственности с распространением неправомерного («рейдерского») отчуждения имущества, теневой экономики и политики, «проедания» собственности. Партикуляризм стал основной формой отношений между государством и субъектами хозяйствования, соответственно появился широкий спектр источников непродуктивных и «неинновационных» рентных доходов олигархии и бюрократии на фоне отторжения обществом официального государства. Подобные явления углубили имущественное неравенство в обществе, привели к масштабным социальным катаклизмам, стали ключевым демотиватором для эффективной хозяйственной деятельности подавляющего большинства субъектов⁹. Значительные ресурсы стали направляться последними не на развитие производства, а на усиление персонализированной защиты своей собственности от неправомерных посягательств со стороны конкурентов и криминалитета в условиях размытости прав на нее, а олигархией – на получение политической власти в стране как в качестве инструмента своей защиты, так и административного средства приумножения своего богатства. Проблемы модернизации производства отступили на задний план.

Институционально-политические детерминанты тесно переплелись с организационно-управленческими. Структура исполнительной власти, ее хозяйственные решения, а также модель экономической политики государства стали определяться запросами олигархии и ее бизнеса. Управление промышленностью приобрело черты эклектичности и сегодня не отличается целостностью, системностью, стратегической выраженностью, подчиненностью общественным интересам. Оно распылено между отдельными министерствами и ведомствами, созданными по отраслевым или функциональным принципам в тесной зависимости от специализации олигархического бизнеса и находящимися под неформальным влиянием иностранных или международных экономических и политических агентов и институтов. В 2012 г. было

⁹ Более подробно проблемы олигархии и деформаций института собственности в Украине рассмотрены в работе (Киндзерский, 2016).

ликвидировано Министерство промышленной политики Украины, его функции переданы немногочисленному департаменту Министерства экономического развития и торговли, в то время как отрасль всегда занимала первую позицию в структуре валового выпуска (например, в 2015 г. 35%). Вместе с тем сельским хозяйством при втрое меньших объемах выпуска по сравнению с промышленностью ведает отдельное Министерство аграрной политики и продовольствия, что лишь подтверждает мысль о навязывании стране извне не индустриальной, а аграрной специализации, о чем речь пойдет ниже.

Есть и Министерство энергетики и угольной промышленности Украины при доле этих двух отраслей в структуре выпуска промышленности около 30%. «Целесообразность» существования этого министерства становится понятной, если учесть фактор олигархии, – одна из украинских бизнес-групп на три четверти обеспечивает всю угледобычу страны и полностью контролирует теплоэнергетику¹⁰. С большой вероятностью можно предположить, что именно ее интересы представляет Минэнерго. То же касается и деятельности Министерства экологии и природных ресурсов, которое выдает лицензии субъектам на добычу полезных ископаемых в Украине. По «стечению обстоятельств» эти лицензии имеют только компании, прямо или косвенно связанные с олигархическими структурами, государственной бюрократией и зарубежными агентами влияния, для других компаний допуск на этот рынок де-юре возможен, но де-факто закрыт. Одновременно контролируя и отдельные национальные комиссии, регулирующие формирование тарифов в сферах энергетики и коммунальных услуг, и сами эти сферы, олигархические группы обеспечивают установление государством непрозрачных и весьма выгодных для себя тарифов.

Олигархия полностью контролирует крупные государственные компании в промышленности, ставя во главе их свой ме-

¹⁰ Крупнейшим производителем угля в стране является компания «ДТЭК Энерго», входящая в корпорацию ДТЭК, принадлежащую украинскому олигарху Р. Ахметову. В 2016 г. шахты холдинга добыли 33,95 млн т угля, что составило 76% общего объема добычи в стране.

неджмент, принуждая их заключать со своими структурами заведомо непаритетные хозяйственные контракты – убыточные для предприятий и сверхприбыльные для себя¹¹. Исключительно в интересах олигархических бизнес-групп в течение последних десятилетий было принято несколько сотен разных государственных программ и законодательных актов, прямо или косвенно касающихся деятельности контролируемых ими отраслей промышленности и даже отдельных предприятий. В соответствии с этими актами предоставлялась немалая государственная помощь в виде налоговых, таможенных и кредитных льгот, субсидий, государственного финансирования, списания или рассрочки задолженности перед государством, компенсации задолженности за счет государства перед кредиторами и т. п. Фактически отечественные льготы, в отличие от льгот в развитых странах, не преследовали цель повысить эффективность производства за счет роста его производительности, а наоборот – позволяли обеспечивать его высокую прибыльность без вложения средств в модернизацию.

Без преодоления олигархизма традиционные меры государства по стимулированию развития становятся заведомо неэффективными. С выбором вариантов промышленной политики складывается тупиковая ситуация. С одной стороны, «жесткая» («вертикальная») политика заостряет проблему мягких бюджетных ограничений, поскольку используемые в ее рамках привилегии предоставляются исключительно олигархии, не направлены на развитие и лишь консервируют отсталость производства. С другой – «мягкая» («горизонтальная») политика, основанная на либеральных принципах, в условиях размытых и незащищенных прав собственности усиливает экономическое неравенство и перераспределение национального богатства в пользу олигархии за счет использования ею права силы (при отсутствии силы права) в политике и экономике, увеличивает спрос субъектов на партикулярные решения власти. При таких обстоятельствах формирова-

ние эффективной, целенаправленной и функционально организованной системы государственного управления, ориентированной на потребности общества, становится невозможным. Есть основания утверждать, что вследствие «сращивания» олигархического бизнеса с государственной властью и подчинения деятельности последней интересам первого система государственного управления советского образца не была демонтирована, а всего лишь преобразовалась из административно-плановой в административно-олигархическую, что в принципе не отвечает задачам социально ориентированного развития экономики и производства.

Такая система управления создает ряд угроз как внутреннего, так и внешнего происхождения. Среди внутренних – перманентная острая политическая, экономическая, а сегодня уже и военная борьба олигархических кланов за государственную власть. Среди внешних – проникновение в страну иностранных транснациональных компаний (иностранной олигархии), чья деятельность часто не является экономически и политически нейтральной и преследует цели руководства стран своего происхождения. Опыт стран с подобными украинским институциональными условиями показывает, что такое проникновение будет иметь сугубо отрицательные последствия для экономики. Модель приватизированного олигархией государства идеально подходит для навязывания иностранными ТНК удобных для них, но неприемлемых для общества условий деятельности в стране. С учетом значительно большего финансового потенциала зарубежной олигархии в сравнении с отечественной угроза реприватизации государства в пользу первой слишком велика. В таком случае о преодолении деиндустриализации и проведении модернизации промышленности в интересах общества можно забыть.

Институционально-политические и организационно-управленческие детерминанты сформировали модель взаимоотношений Украины с внешним миром, но вместе с тем их характеристики в значительной степени сами формировались под влиянием внешнеэкономических детерминант. Отмена государственной монополии на внешнеэкономичес-

¹¹ Ярким примером может служить добыча государственными предприятиями природного газа на территории Украины, который в полном объеме выкупается посредническими компаниями олигархов по заниженным ценам и перепродается на рынке по ценам, многократно завышенным.

кую деятельность и ее ускоренная масштабная либерализация при полном открытии внутреннего рынка для иностранных товаров и услуг в начале 1990-х годов стали шоком для украинской экономики. Это повлияло на формирование долгосрочных деструктивных трендов не только в реальном секторе, но в финансовой и социальной сферах. Большинство предприятий перерабатывающей промышленности не выдержали натиска иностранной конкуренции ни на внутреннем, ни тем более на внешних рынках. На последнем украинская продукция нашла свою нишу преимущественно в сегменте сырьевой сельскохозяйственной и промышленной низкотехнологической продукции первичной переработки.

Сроки и глубина внешнеэкономической либерализации не связывались с необходимостью заблаговременного проведения модернизации производства, причем при активной финансовой и организационной поддержке именно государства на фоне неразвитости рынка капитала и финансового сектора. Ошибочно полагалось, что такая либерализация сама станет мощным стимулом для модернизации. Но, к сожалению, этого не случилось и можно согласиться с выводами ЮНИДО, что для таких стран, как Украина, это стало одной из главных причин деиндустриализации¹². За несколько лет украинская экономика стала наиболее открытой в мире с долей экспорта и импорта в ВВП около 50%, причем с преобладанием последнего над первым¹³. Вследствие своей чрезмерной ориентации на внешние рынки динамика ее развития приобрела жесткую зависимость от цик-

лов мировой конъюнктуры на товары, которые составляют основные статьи украинского экспорта: недрагоценные металлы и изделия из них, зерновые культуры (Кораблін, 2016). Эта зависимость явилась следствием проциклической и стратегически неопределенной экономической политики Украины, неэффективности средств ее регуляторного влияния на деятельность субъектов.

За последние 15 лет товарная структура украинского экспорта и импорта заметно изменились, но не в лучшую сторону: выросла аграрно-сырьевая составляющая экспорта и промышленная высокотехнологическая составляющая импорта¹⁴. Смещение в товарной структуре экспорта и импорта является совокупным результатом действия как внутренних институционально-политических и структурно-производственных факторов, так и внешних политико-экономических, а с 2014 г. – и военно-политических факторов. Внутренние институционально-политические факторы обусловили искажение инвестиционной мотивации субъектов хозяйствования, сделали инвестиционную деятельность непривлекательной и слишком рискованной как с точки зрения обострения дилеммы выбора приоритетов вложения капитала (на развитие производства или на его защиту от неправомερных посягательств посторонних субъектов), так и с точки зрения существенного ограничения для подавляющего большинства субъектов возможностей доступа к инвестиционным ресурсам и дальнейшего распоряжения полученными прибылями. Соответственно воспроизводственные процессы остановились, технологическая отсталость и уровень износа производства продолжили нарастать, что на фоне внешней открытости обусловило вытеснение украинского производителя с внутреннего рынка, прежде всего недовольственно-

¹² ЮНИДО. 2015. Отчет о промышленном развитии 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии. Обзор. С. 9. URL: http://www.unido.org/fileadmin/user_media_upgrade/Resources/Publications/IDR/EBOOK_IDR2016_OVERVIEW_RUSSIAN.pdf

¹³ По данным ЮНКТАД, в 2010 г. украинский экспорт составил 46,5% ВВП, импорт – 49,3%, в 2014 г. 49,2 и 53,2% соответственно. Для сравнения: в мировой экономике в 2014 г. экспорт составил 30,5% ВВП, импорт – 29,5%, в развитых странах – 28,3 и 28,4%, в развивающихся – 33,5 и 31,4%. Даже в экономиках США и Китая, которые считаются наиболее открытыми в мире, доля экспорта составляла 13,8 и 23,7% ВВП, а импорта – 16,8 и 21% соответственно. Но даже при такой низкой по сравнению с украинской экономической открытостью внутреннего рынка США считают, что это вредит их экономике и ставят вопрос об усилении его защиты от иностранных конкурентов.

¹⁴ Если в объемах экспорта в 2001 г. доля недрагоценных металлов составила 41,3%, а аграрной продукции (разделы I–III Украинского классификатора товаров внешнеэкономической деятельности (УКТВЭД)) – 8,4%, в 2010 г. – 33,7 и 14,3%, то в 2016 г. аграрная продукция составляла уже более трети (35,3%), а доля недрагоценных металлов сократилась до 23%. В объемах импорта вдвое уменьшилась доля минеральных продуктов – с 42,6% в 2001 г. до 21,6% в 2016 г., и на треть (с 21,5 до 29,1%) выросла доля машиностроительной продукции (разделы XVI–XVIII УКТВЭД).

го, и его дальнейшую практически безальтернативную ориентацию на мировые сырьевые рынки¹⁵.

Деформации в системе прав собственности и низкий уровень ее защиты существенно сузили горизонт планирования деятельности субъектами хозяйствования, поэтому инвестиции в производство как форма отложенного потребления в таких условиях стали нецелесообразны и субъекты начали выстраивать свою деятельность по стратегии «быстрой наживы», или «быстрых денег». Именно поэтому в противовес развитым странам, где производство смещалось в средне- и высокотехнологические сектора, в экономике Украины начали преобладать ресурсодобывающие и низкотехнологические производства аграрных и промышленных видов деятельности, поскольку только они смогли обеспечить такие «быстрые деньги» на фоне отсталости отраслей глубокой переработки и отсутствия достаточной мотивации и как у субъектов, и у самого государства для их модернизации¹⁶.

С высокой вероятностью можно предположить, что вследствие полной открытости отечественного рынка и его завоевания продукцией иностранных корпораций, а также с учетом внутренних институционально-политических особенностей формирования

государственных решений, под давлением зарубежных, прежде всего западных, политических и финансовых институтов, представляющих интересы этих корпораций, Украина в течение последних десятилетий изменила векторы своей внешней экономической и политической интеграции в рамках региональных объединений и союзов. Этому также способствовали противоречивые торговые ограничения в течение 2010–2013 гг. и ранее со стороны Российской Федерации по отдельным важным позициям украинского экспорта в эту страну. Они стали, с одной стороны, следствием курса последней на импортозамещение, а с другой – реакцией российского руководства на сближение Украины со странами Евросоюза. В конце концов попытки навязывания Украине внешними политическими игроками условий ее развития привели к разжиганию в стране в 2014 г. военного конфликта с дальнейшей потерей государством контроля над АР Крым и частью Луганской и Донецкой областей. Украина лишилась не только отдельных территорий, но и немалой части своего промышленного и экспортного потенциалов, которыми эти территории обладали¹⁷.

Вследствие перечисленных обстоятельств изменилась не только география экспорта и импорта Украины, но и их товарная структура¹⁸, причем в худшую для стра-

¹⁵ В 2015 г. в товарной структуре розничного товарооборота товары украинского производства преобладали только в продовольственной группе с совокупной долей 85,2%. Сами же продовольственные товары составляли 41,1% объема розничного товарооборота, остальные 58,9% приходились на непродовольственные товары, а продукция отечественного производства в этой группе составила всего 39,3%. По большинству видов непродовольственных высокотехнологичных товаров доля отечественного производства была мизерной. Например, доля автомобилей отечественного производства составляла лишь 4,3% их общего объема продаж, тогда как сами объемы продаж автомобилей занимали четвертую позицию на розничном рынке (4,8%). Рынок телекоммуникационного оборудования, мобильных телефонов, аудио- и видеооборудования, компьютеров и программного обеспечения практически полностью был представлен продукцией иностранного производства. Доля иностранной продукции на рынке одежды и обуви превышала 95%, бытовых электротоваров – 90%.

¹⁶ Если в 1990 г. наибольшей в выпуске промышленной продукции была доля машиностроения (30,5%), пищевой промышленности (18,6%), черной металлургии (11%) и легкой промышленности (10,8%), то до 2010 г. ситуация кардинально изменилась: металлургическое производство, будучи экспортоориентированным, заняло первую позицию (18,8%) среди перерабатывающих отраслей в промышленности, второе место заняло производство пищевых продуктов (18,1%), третье – машиностроение (9,3%), а легкая промышленность (текстильное производство и производ-

ство одежды) практически исчезла как отрасль, имея все всего 0,7%. К 2016 г., в немалой степени из-за военных действий на востоке страны, структура производства вновь претерпела заметные изменения: первое место среди отраслей перерабатывающей промышленности у производства пищевых продуктов (21,6%), на второе переместилось металлургическое производство (17,1%), а машиностроение за 25 лет сократилось до минимума (6,6%).

¹⁷ По данным Минэкономразвития Украины, вследствие утраты контроля над АР Крым и частью Донецкой и Луганской областей, их доля в общем объеме экспорта украинских товаров уменьшилась с 26,6% в 2013 г. до 10,4% в 2015 г. Экспорт из Донецкой области сократился за указанный период на 70%, из Луганской – на 93%. Суммарные экспортные потери от утраты контроля над этими территориями составили в 2015 г. 12,9 млрд долл. США, или приблизительно 5,7% ВВП Украины (МЕРГ. 2017. Экспортна стратегія України. Дорожня карта стратегічного розвитку торгівлі 2017–2021. Міністерство економічного розвитку і торгівлі України, Міжнародний торговельний центр (Женева, Швейцарія). Київ.).

¹⁸ Если в 2000 г. на страны СНГ приходилось 30,6% украинского экспорта и 57,5% импорта, на страны ЕС-28 – соответственно 31,4 и 29%, а на страны Азии – 23,9 и 6%, то в 2015 г. доля ЕС в экспорте увеличилась до 34,1%, в импорте – до 40,9%, стран Азии – до 32,5 и 19,3%, тогда как объемы торговли со странами СНГ резко сократились, соответственно до 20,5 и 27,9%.

ны сторону. Расширение торговли с ЕС и сужение – со странами СНГ обусловили рост сырьевой направленности украинского экспорта и повышение технологического уровня импорта¹⁹, особенно с учетом того, что именно последние были основными потребителями украинской средне- и высокотехнологической продукции машиностроения²⁰. Смещения в структуре экспорта свидетельствуют о трансформации страны из индустриально-аграрной в аграрную, а в структуре импорта – об усилении внешней технологической зависимости, что в совокупности ведет к углублению процесса деиндустриализации и укреплению в экономике модели так называемого «обедняющего», или «изнуряющего» развития. Представляются излишне оптимистичными расчеты руководства страны на то, что Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС будет иметь в этой части положительный эффект для украинской экономики. Наоборот, эти тенденции не изменятся на противоположные, а могут лишь укрепиться, одновременно усилив конкуренцию на внутреннем рынке со стороны иностранных производителей с дальнейшим вытеснением с него украинских, особенно в сегменте непродовольственных промышленных потребительских и инвестиционных товаров (Геець, 2014b). Эти выводы также косвенно подтверждаются некоторыми решениями Евросоюза – как в части его внутренней политики, так и относительно условий сотрудничества

с Украиной. Например, в своей стратегии промышленного ренессанса Евросоюз рассматривает отношения со странами-соседями, в том числе с Украиной, лишь с точки зрения их использования в качестве внешнего источника сырьевых и трудовых ресурсов. Подтверждением служит требование ЕС к Украине отменить мораторий на экспорт леса-кругляка взамен на 600 млн евро кредитной помощи, которая никоим образом не компенсирует ни стоимостные потери от уменьшения переработки леса внутри страны, ни колоссальный экологический ущерб от вырубке лесов. Отдельные страны ЕС, в частности Польша и Чехия, рассматривают Украину как основной источник пополнения своих трудовых ресурсов, увеличивая соответствующие квоты на трудоустройство украинцев.

Открытие внутреннего рынка и стремительное завоевание импортом доминирующих позиций на нем привели к такому же стремительному привнесению в страну стандартов и практик потребления из развитых стран на фоне неприспособленности и невозможности собственного производства к их удовлетворению, что сохраняется и сегодня. Насыщенность внутреннего товарного рынка и широта товарного ассортимента, раскрытие перед населением доступа к «продвинутым» материальным благам современной западной цивилизации, чего не было во времена административно-плановой экономики, на фоне отсутствия у граждан, с одной стороны, взвешенной и рациональной культуры потребления, а с другой – высокой производительности труда, добросовестного отношения к работе, заинтересованности в самосовершенствовании и повышении своего профессионального уровня, – сформировали ряд противоречивых эффектов, которые в немалой степени повлияли и на институциональные деформации, и на формирование социальных конфликтов. У населения быстро развилась жажда к потребительству, не подкрепленная таким же стремлением к эффективной работе. У богатых слоев населения, представителей высших ступеней власти и бизнеса это превратилось в демонстративное, клептократическое, «элитное потребление», открытое щеголянье

¹⁹ В 2015 г. более чем 3/4 экспортных поставок Украины в ЕС составляла аграрная сырьевая и низкотехнологическая промышленная продукция – черные металлы (20,2%), зерновые культуры (12,5%), руды, шлак и зола (7,4%), древесина (5,5%), семена масличных растений (5,0%), отходы пищевой промышленности (3,8%) и т. п. В то же время импорт в Украину из ЕС в 2015 г. на 2/3 был представлен преимущественно высокотехнологической продукцией машиностроения и химии: минеральное топливо (22,2%), ядерные реакторы (10,2%), электрические машины (7,1%), пластмассы (7,1%), фармацевтическая продукция (6,5%), средства наземного транспорта (5,4%) и т. п.

²⁰ В 2011 г. в структуре украинского экспорта в Российскую Федерацию в первой десятке товаров были железнодорожные локомотивы (16,1%), ядерные реакторы (11%), электрические машины (5,3%), средства наземного транспорта (2,5%). В 2015 г., несмотря на серьезное ухудшение двусторонних отношений, Российская Федерация оставалась крупнейшим покупателем украинской машиностроительной продукции. В частности, в структуре экспорта в эту страну первую позицию занимали ядерные реакторы (18,7%), в первой десятке были электрические машины (5,3%), железнодорожные локомотивы (2,3%).

своим материальным благосостоянием. У средних и малообеспеченных слоев населения это усилило чувство собственной бедности, неравенства и социальной неудовлетворенности из-за желания получать зарубежные материальные блага и невозможности их приобрести.

Опережающее формирование завышенных потребительских запросов и культа потребления на фоне малопродуктивного производства привело к немалым проблемам в финансовой сфере в целом и инвестиционной в частности. Не только у населения, но и у власти сформировался «стереотип поведения потребления не по ресурсам и жизни не по средствам» (Гец, 2014а. С. 9). Довольно распространенным стал миф, что благосостояние населения развитых стран обеспечивается благодаря постоянной жизни в займы. На государственном уровне эти стереотипы трансформировались не в политику развития производства, а в политику постоянных заимствований средств на покрытие дефицита бюджета. Сам же бюджет формировался не по реальным результатам экономической деятельности, не по запросам на модернизацию производственного базиса страны, а на основе «раздутых» запросов на потребление – как в форме социальной поддержки населения, так и непосредственно государственного потребления²¹.

Пытаясь поддерживать уже обычный для себя уровень потребления на фоне деградирующей экономики, украинское государство попало в «долговую петлю» перед зарубежными кредиторами, когда львиная доля новых заимствований направляется на покрытие обязательств по уже имеющимся, а остаток – опять-таки на поддержку потребления и социальные обязательства государства, а не на развитие производства. При этом уровень обслуживания долга за счет бюджета возрастает, а реальная доходная база бюджета сужается вследствие постоянной стагнации производства. Вместе с тем международные доноры предоставление своих займов сопровождают требо-

ваниями, реализация которых правительством часто откровенно негативно сказывается на общественных настроениях, поскольку их следствием является сужение социальных гарантий населению и его обеднение. Отметим, что затягивание «долговой петли» часто заканчивалось в Украине невозможностью государства своевременно обслуживать свои долговые обязательства, и это приводило к неоднократной реструктуризации долга на жестких и малопривлекательных, но практически безальтернативных для Украины условиях кредиторов.

Условия последней реструктуризации государственного долга, проведенной в 2015 г., представляют собой «мину замедленного действия» с точки зрения сохранения стабильности экономики Украины и возможностей обеспечения ее роста. Реструктуризация государственного долга, хотя и разгрузила бюджеты 2015–2018 гг., но существенно усилила тяжесть внешнего долга в долгосрочной перспективе (Богдан, 2016. С. 25). По условиям соглашения с кредиторами, правительство будет выплачивать 80% номинальной суммы долга на протяжении 2019–2027 гг., обеспечивая кредиторам 7,75% годовой доходности. В результате вместо списанных 3,6 млрд долл. США оно обязалось отдать кредиторам или 15%, или 40% номинального прироста ВВП на протяжении 20 лет, если темпы роста реального ВВП будут превышать 3 и 4% соответственно. По подсчетам Т. Богдан, суммарные выплаты в таком случае достигнут 8,3 млрд долл. при условии, что реальный ВВП будет возрастать на 4% на протяжении 20 лет, а в случае ежегодного роста ВВП на 5% эти выплаты превысят 33 млрд долл. Как отмечает эксперт, при дисконтировании указанных величин становится очевидным, что разрывы между списанной суммой в 3,6 млрд долл. США и будущими обязательствами Украины по инструментам компенсации стоимости не будут нивелированы. Другими словами, хотя в результате реструктуризации государственного долга и произошло изменение его срочной структуры, но одновременно существенно возросла его величина (Там же. С. 25). По сути это означает, что политика жизни в займы в Украине на фоне

²¹ Государственный и гарантированный государством долг вырос с 12% ВВП в 2007 г. до 79,4% на 1 января 2016 г., превысив безопасный порог в 40–60%, а обслуживание госдолга достигло 16,8% доходов бюджета (Гец, 2016. С. 5–6).

пренебрежения правительством проблемами модернизации производства фактически приведет к «стерилизации» экономического роста в следующие десять лет, причем как по причинам отсутствия указанной модернизации, так и по условиям, навязанным международными кредиторами, что нивелирует ее результаты в случае, если все-таки она будет происходить.

Для населения потребление сверх собственных ресурсов и жизнь в займы особенно отчетливо проявились в распространении потребительского кредитования. Его объемы были сопоставимы с уровнем кредитования перерабатывающей промышленности²². Поскольку потребительские кредиты предоставлялись на непродовольственные высокотехнологические товары длительного пользования, причем преимущественно иностранного производства (автомобили, бытовая техника и электроника, средства связи), можно говорить, что такие кредиты стали для украинских перерабатывающих отраслей существенным фактором их угнетения, а для иностранной продукции – механизмом ускоренного продвижения на внутренний рынок, и это, безусловно, выразилось в усилении сырьевого уклона отечественной промышленности.

Корпоративный нефинансовый сектор экономики не стал исключением в ведении своей деятельности на долговой основе. За последнее десятилетие, по наблюдени-

²² В конце 2010 г. объемы потребительских кредитов составляли 122,9 млрд грн, а кредитов в перерабатывающую промышленность – 121,5 млрд грн (или 98% от объема первых), причем долгосрочные потребительские кредиты населению (на срок свыше 5 лет) были для банков значительно привлекательнее, чем аналогичные кредиты перерабатывающей промышленности – объем первых составлял 67,5 млрд грн и в 3,5 раза превышал объем последних. В 2013 г. ситуация была аналогичная – потребительских кредитов было предоставлено 137,3 млрд грн, кредитов в перерабатывающую промышленность 135,9 млрд грн, долгосрочных потребительских кредитов на сумму 38,9 млрд грн или в 2,3 раза больше, чем в перерабатывающую промышленность. URL: <http://www.bank.gov.ua>. На конец февраля 2017 г. ситуация изменилась: уровень потребительского кредитования снизился вдвое по сравнению с кредитами перерабатывающей промышленности (102,4 против 201,3 млрд грн), но долгосрочное потребительское кредитование все же превышало аналогичное кредитование промышленности в 1,4 раза. URL: <https://bank.gov.ua/files/3.3-Loans.xls>. Причины такого изменения следует искать вовсе не в потере населением желания к чрезмерному потреблению, а скорее в многократном росте коммунальных тарифов в течение 2015–2016 гг. и вынужденном пересмотре домашними хозяйствами направлений своих расходов.

ям В. Зимовца (2016), его долг быстро нарастал: если в 2005 г. он почти не превышал собственный капитал, то до 2016 г. соотношение между ними (долговая зависимость) достигло 4,37, что превышает «нормальный» для стран с эмерджентными экономиками уровень более чем втрое. С одной стороны, это стало результатом сокращения на протяжении 2013–2015 гг. собственного капитала предприятий более чем на 500 млрд грн (на 30%) вследствие их хронической убыточности, прекращения хозяйственной деятельности, а также потери государством контроля над частью территории страны. Причем причинами убыточности стали и чрезмерное присутствие на внутреннем рынке иностранных компаний, и невозможность отечественных производителей противостоять им из-за собственной технологической отсталости, а также отсутствия ресурсов на модернизацию. Именно поэтому, с другой стороны, продолжение деятельности в таких условиях сопровождалось наращиванием долгов предприятий в номинальном измерении почти на 2 трлн грн. посредством применения прежде всего суррогатных форм долгового финансирования (кредиторской задолженности, например), на фоне стагнации банковского кредитования и его высокой стоимости для заемщиков.

Сверхвысокая долговая зависимость, незначительная роль банков в финансировании и накоплении капитала вместе с распространением теневой деятельности и оффшорных схем вывода средств из страны, убежден В. Зимовец, являются признаками деформированной «квазирыночной» финансовой модели ведения бизнеса в Украине. Она образовалась вследствие вышеупомянутых деформаций институциональной системы и системы прав собственности как ее ключевой составляющей. В данном контексте это проявляется, во-первых, в слабой защите прав кредиторов и, во-вторых, в недоверии к банковской системе²³. В случае банкротства

²³ В частности, по данным Всемирного банка, по состоянию на июнь 2016 г. в Украине после завершения процедур банкротства субъектам кредиторам возмещалось в среднем 7,5% суммы вложенных ими средств, тогда как в Норвегии и Японии – 92%, Великобритании – 88,6, Германии – 84,4, США – 78,6, Польше – 60,6%. URL: <http://www.doingbusiness.org/data/exploretopics/resolving-insolvency>

субъектов риски потери кредиторами капитала в Украине на порядок выше, чем в развитых странах. Именно поэтому нерешенность проблем защиты прав собственности парализует кредитные отношения и является основной причиной наращивания суррогатных долгов.

Вместе с тем высокий уровень недоверия к банковской системе не позволяет субъектам заместить эту форму долгового финансирования банковским кредитованием. Меры государства по так называемому «очищению» банковского сектора и выводу неплатежеспособных банков с рынка лишь усилили это недоверие, поскольку за официальными намерениями оздоровить финансовую сферу довольно часто скрывались неофициальные частные интересы власти и провластного олигархического бизнеса осуществить таким способом очередной передел собственности и капитала в стране. На протяжении 2015–2016 гг. Национальным банком Украины была прекращена деятельность 87 банков. Во многих случаях по молчаливому согласию высших должностных лиц, а зачастую – и при их прямом содействии собственники вывели из ликвидированных банков около 300 млрд грн, из которых около 270 млрд составили средства предприятий на текущих счетах (Ормоцадзе, 2016). Можно предположить, что указанные средства для владельцев банков стали своеобразной суррогатной, но тем не менее полукриминальной формой и пополнения собственного капитала своих компаний, зарегистрированных преимущественно в офшорных юрисдикциях, и инвестиций в них.

Утверждение в обществе приоритета текущего потребления над отложенным инвестиционным на фоне высоких рисков постоянного передела и неправомерного отчуждения собственности, открытости внутреннего рынка и отсталости производства самым непосредственным образом отразилось на воспроизводственных процессах. Неудовлетворительный уровень защиты прав инвесторов сделали инвестиции в производство непривлекательными для бизнеса, а уровень валового накопления основного капитала (ВНОК) – сверхнизким²⁴. Кризис воспроизводства приобрел черты перманентности и устойчивого уг-

лубления, что подтверждается постоянно нарастающим уровнем износа основных средств в экономике и промышленности²⁵ и в конечном счете может обернуться полным коллапсом экономики уже в ближайшей перспективе.

Формирование отраслевой структуры инвестиций, как и структуры экспорта, отвечает модели углубления сырьевой экспортной специализации украинской экономики – перехода от преимущественно индустриально-аграрной к преимущественно аграрной специализации²⁶. Вместе с тем проблема переориентации инвестиций в пользу высокотехнологических отраслей глубокой переработки связана не только с изысканием дополнительных объемов ресурсов и снижением рисков инвесторов, но и, во-первых, с изменением структуры источников инвестиций, а во-вторых, с существенным расширением внутреннего потребительского рынка этой продукции, прежде всего за счет отказа не столько от аналогичной иностранной продукции, доминирующей на нем,

²⁴ В течение последних пятнадцати лет ВНОК только в 2006–2008 гг. приближалось к принятой в мировой практике минимально допустимой норме в 25% ВВП для обеспечения процесса расширенного воспроизводства и интенсивной модернизации производства. В другие годы оно было в пределах 16–19%, а в 2014–2015 гг. ввиду начала военных действий на востоке Украины и соответствующего существенного роста инвестиционных рисков накопление капитала сократилось до 14,2 и 13,5% ВВП – минимального уровня за последние четверть века. Однако и этот показатель недостаточно показывает всю глубину кризиса воспроизводства. Особенно осязательной она становится при сопоставлении объемов годовых капитальных инвестиций с объемами основных средств. В промышленности это соотношение в течение 2001–2015 гг. колебалось в пределах 4,5–7%, а в 2015 составило 2,3%, т. е. для полного обновления парка основных средств требуется около 50 лет, а если учесть, что эти средства в стране существенно недооценены, а инвестиции используются не только на создание новых, но и на приобретение действующих основных средств, также имеющих определенный уровень износа, – этот период еще более увеличивается.

²⁵ В течение последних полутора десятилетий износ основных средств вырос почти вдвое, с 45% в 2001 г. до 83,5% в 2015 г. в экономике и с 52 до 77% в промышленности. Еще более высокий уровень износа зафиксирован в секторах энергетической и коммунальной инфраструктуры, в частности, в производстве и распределении электроэнергии, газа – 82,6%, водоснабжении – 62%.

²⁶ В течение 2001–2016 гг. доля сельского хозяйства в общем объеме инвестиций в экономику возросла почти втрое, с 5 до 13,8%, промышленности – уменьшилась с 42 до 33%. В самой промышленности наибольшей в этот период оставалась доля производства пищевых продуктов – около 16% общего объема инвестиций отрасли, увеличилась с 10 до 13% доля металлургии при неизменно малой доле отраслей машиностроения – около 6%.

сколько от сформированного потребительского стереотипа о безусловном предоставлении преимуществ именно иностранной, а не отечественной продукции.

В структуре источников инвестиций превалируют собственные средства предприятий²⁷. Поэтому при имеющихся ограничениях рынка отраслевая структура производства останется неизменной, поскольку предприятия вкладывают средства в поддержку и развитие, как правило, основного вида деятельности, особенно с учетом значительного дефицита инвестиционных ресурсов, высоких рисков инвестирования в незнакомые для них сферы деятельности, а также существующего неформального жесткого раздела рынка между конкурирующими олигархическими группами.

Это обстоятельство усугубляется особенностями банковского инвестиционного кредитования – инсайдерским кредитованием: предоставлением займов исключительно компаниям и предприятиям, которые принадлежат собственникам самих банков (Ивченко, Сколотяный, 2017). Касается это не только частных, но и государственных банков. Последние предоставляют займы только тем компаниям (государственным и частным), которые прямо или косвенно контролируются (в личных интересах) высшей государственной бюрократией и представителями провластной олигархии. Для коммерческих банков кредитование инсайдеров стало одним из основных направлений их деятельности, а для трети проблемных банков, о которых речь шла выше, согласно выводам НБУ, такое кредитование было единственной целью их деятельности. Они «высасывали» депозиты у населения и направляли их на поддержку бизнеса своих собственников. Доля инсайдерских кредитов приближается к 80% общего объема кредитов как государственных, так и коммерческих банков, а в отдельных банках 100% кредитного портфеля было распределено между компаниями, связанными с их собственниками. Подобные банки в подавляющем

большинстве были и остаются структурными подразделениями отечественных олигархических бизнес-групп, а такой способ получения ими финансовых ресурсов можно рассматривать как форму институционального приспособления к деятельности в условиях сверхвысоких политических и экономических рисков и слабой защиты прав собственности в стране.

Для обычных субъектов хозяйствования возможности получения банковских кредитов де-юре существуют, но де-факто отсутствуют. Именно поэтому «чистка» банковского сектора в указанных институциональных условиях не будет иметь последствий, которые официально декларировались властью и связывались с повышением устойчивости банковской системы и восстановлением кредитования экономики. Наоборот, это сузит обеспеченность субъектов кредитными ресурсами, что уже выразилось и в уменьшении доли кредитов в структуре источников инвестиций в течение 2014–2016 гг., и в нехватке для абсолютного большинства субъектов хозяйствования при избыточности свободных кредитных ресурсов на рынке.

Особенностями прямого иностранного инвестирования в Украине, сформированными вследствие институциональных деформаций и высоких рисков ведения хозяйственной деятельности, являются:

- преобладание инвестиций от иностранных контрагентов отечественных компаний, связанных с ними прямо или косвенно через структуру собственности и зарегистрированных в странах с оффшорными юрисдикциями²⁸;
- преобладание инвестиций в торговлю и финансовую деятельность над инвестициями в промышленность в их видовой структуре, а также в сопоставлении с суммарной долей этих секторов в видовой структуре всех капитальных инвестиций в Украине²⁹, что указывает на повышенную мотивацию иностранных инвесторов раз-

²⁷ В течение 2010–2015 гг. доля собственных средств предприятий увеличилась с 62 до 70%, государственного и местного бюджетов находилась в пределах 9%, доля кредитов банков уменьшилась почти вдвое, с 13 до 7%, а иностранных инвесторов не превышала 3%.

²⁸ Оффшорный Кипр стал крупнейшим инвестором в Украину. Его средства составляли четверть (25,7%) всего объема ПИИ за 1994–2017 гг. Он используется отечественным бизнесом, с одной стороны, в схемах сокрытия и вывода доходов из Украины, а с другой – для их реинвестирования в страну.

вивать для закрепления доминирующего положения иностранной продукции на внутреннем рынке именно торговую и финансовую сферы, а не производство;

- использование некоторыми странами-соседями, в частности, Российской Федерацией, своих инвестиций в Украину в качестве инструмента дестабилизации ее экономической и политической ситуации, приобретения (прямого или косвенного) ключевых стратегических активов страны, например, в энергетике и промышленности, подкупа отдельных представителей государственной бюрократии и политической элиты для получения при одновременном использовании военного давления, сначала экономического, а со временем и политического контроля над страной³⁰.

С учетом изложенного подобные тенденции в иностранном инвестировании в Украине не следует однозначно оценивать как

²⁹ Наибольший накопленный с 1994 г. объем ПИИ в Украине был зафиксирован в начале 2014 г. – 53,7 млрд долл. США. Факт военных действий на востоке Украины, а также трехкратная девальвация национальной валюты в указанный год обусловили существенный рост военно-политических и валютно-курсовых рисков ведения бизнеса, выведение иностранными собственниками инвестированных средств и сокращение в течение последующих трех лет объемов ПИИ на 30%, до 37,6 млрд долл. США на начало 2017 г. В промышленности объемы ПИИ сократились по сравнению с другими видами деятельности почти вдвое, с 17,6 до 9,5 млрд долл., тогда как в торговле – на 20%, с 6,8 до 5,5 млрд долл., а в финансовой деятельности – на 15%, с 12,3 до 10,3 млрд долл. В результате доля промышленности в структуре ПИИ уменьшилась с 42,2% на начало 2010 г. до 25,4% на начало 2017 г., а доли торговли и финансовой деятельности – наоборот, возросли с 11,1 до 14,6% и с 23 до 27,4% соответственно, что сделало последнюю крупнейшим акцептором иностранных инвестиций в экономике. В общей видовой структуре капитальных инвестиций вклад торговли и финансовой деятельности был значительно скромнее, чем в видовой структуре иностранных инвестиций, а в течение указанного периода даже уменьшился, составив в 2016 г. 7,7 и 2,3% соответственно.

³⁰ По годовому объему прямых иностранных инвестиций в Украину в 2016 г. первую позицию заняла Российская Федерация. Это не может не настораживать, учитывая факт серьезного ухудшения двусторонних отношений в последние годы на фоне военного конфликта на востоке Украины, а также возможность достаточно сильного неформального влияния российского политического руководства на деятельность своих субъектов как внутри РФ, так и за рубежом. Сумма российских инвестиций в Украину в этот год составила почти 1,7 млрд долл., или 37,8% общего объема годовых ПИИ, тогда как вторую позицию занял Кипр с более скромной долей 9,7%. Примечательно, что 90% объема российских инвестиций в Украину пришлось на финансовую деятельность, а именно на банковский сектор. В результате доля российского капитала в активах банковской системы Украины выросла за последние два с половиной года более чем в три раза, с 12% в июне 2014 г. до 40% в декабре 2016 г. (Илларионов, 2017).

фактор прогресса и развития ее экономики и производства. Наоборот, вследствие имеющейся институциональной специфики они в значительной мере могут расцениваться как фактор сдерживания развития и даже деградации. С одной стороны, преимущественное вложение средств иностранными инвесторами в торговлю и финансовую деятельность по сравнению с промышленностью закрепляет доминирование культа потребительства (причем продукции иностранного происхождения) и жизни взаимы из-за приоритетного поддержания этими инвестициями потребительского кредитования населения на фоне вялого кредитования производства. С другой стороны, значительная часть иностранных инвестиций используется отдельными странами-инвесторами для получения не столько экономических выгод, сколько для достижения политических целей, противоречащих целям развития украинского общества.

В результате деструктивных трансформаций в системе прав собственности, обусловленного ими преобладания текущего потребления над инвестиционным на фоне распространения западных потребительских практик при сохранении отсталого производства и низкого качества управления им произошло не только «инвестиционное истощение» экономики, но и, что более важно, утрата ею способности к воспроизводству на инновационной основе. Полученный от бывшего СССР высокий уровень образованности населения оказался невостребованным в процессах передела собственности и не стал препятствием для формирования олигархического капитала. Это дало толчок к разрушению и деградации образовательного потенциала страны, поскольку мотивационная основа его формирования была существенно подорвана несправедливым распределением собственности и большим расслоением общества по уровню благосостояния. Образование и высокий уровень образованности перестали быть для рядовых граждан главным фактором высоких доходов, гарантией получения высокооплачиваемой работы по специальности, социальной и моральной удовлетворенности своей жизнью. Соответственно способность экономической системы к генерированию и имплементации инноваций значительно ослабла.

Еще одним важным фактором этого ослабления оказалась неприспособленность системы организации отечественной науки к новым условиям хозяйствования – к потребностям и новым собственникам предприятий, и к запросам рынка на инновационные товары и услуги. Помня о том, что инновации рассматриваются предпринимателем прежде всего как источник получения прибыли при условии отсутствия или исчерпания других источников, отметим, что незащищенность и размытость прав собственности в Украине привели к появлению феномена перманентного генерирования источников прибыли, связанных не с внедрением инноваций, а с переделом собственности и национального богатства страны³¹.

Кроме того, произвольное манипулирование властью правами рядовых граждан обусловило дискриминационное перераспределение доходов страны от большинства населения в пользу «олигархической» и властного меньшинства. Это стало еще одним «неинновационным» и практически неисчерпаемым источником прибыли последних, поэтому инновационная детерминанта развития украинского общества оказалась де-факто нивелированной прежде всего институционально-политической детерминантой, и коммерциализации социума на инновационных началах, как отмечает В. Геец, не произошло (2014а. С. 8). Вместо такой коммерциализации государство предложило населению малоэффективную и чрезмерную по сравнению со своими финансовыми возможностями систему социальной защиты для сглаживания соответствующих отрицательных последствий трансформации отношений собственности и несправедливого перераспределения богатства страны. Результатом стала патернализация значительной части общества вместо формирования у него поведенческих

настроений, касающихся профессионального самовыражения, творческой самореализации и коммерциализации навыков и умений для решения собственных материальных и социальных проблем. Это лишь укрепило существующую неэффективную институциональную конструкцию организации государственной власти и системы отношений собственности. Именно подмена социальной защиты общества его коммерциализацией, согласно выводам В. Гееца, стала для населения страны главной ошибкой реформ со всеми их отрицательными последствиями.

Соответственно наука в Украине перестала рассматриваться государством и бизнесом в качестве главного условия развития экономики и благосостояния народа. Прикладная отраслевая и производственная составляющие научно-технической деятельности в виде отраслевых НИИ и заводских исследовательских лабораторий практически исчезли. Академическая наука превратилась в представлении государства в «содержанку»³² (Там же. С. 9).

Игнорирование прав рядовых граждан со стороны государства и несправедливый по отношению к ним передел собственности в стране с ограничением возможности «инновационной» творческой самореализации человека и появлением неэффективной патерналистской системы его социального обеспечения сформировали в украинском социуме такой деструктивный феномен, как общество сплошного недоверия, страха и протестов. Именно его можно считать главной социальной детерминантой, обуславливающей в том числе характер развития отечественной экономики и производства. Основная модель поведения членов такого общества – это не конструктивный социальный диалог и взаимовыгодное партнерство, а «война всех против всех» вследствие недоверия всех ко всем и страхом всех перед всем.

³¹ Подтверждением этого является тот факт, что расходы предприятий Украины на инновации составили, в частности в 2015 г., лишь 0,56% их общих затрат на производство продукции (13,8 млрд грн против 2,45 трлн грн), а в общем количестве предприятий только 17,3% из них занимались инновационной деятельностью. (Діяльність суб'єктів господарювання у 2015 році: стат. зб. Держстат України. 2016. С. 80; Наукова та інноваційна діяльність України. 2015 рік : стат. зб. Держстат України. 2016. С. 139).

³² Именно поэтому наукоёмкость ВВП (расходы на выполнение научных и научно-технических работ в ВВП) в Украине – одна из самых низких в мире и постоянно сокращается. В 2015 г. она составляла 0,62% против 0,99% в 2005 г., тогда как в ЕС-28 – 2,03% (2014 г.), а в отдельных развитых странах – еще выше, в частности, в Южной Корее – 4,15, Японии – 3,47, Финляндии – 3,17, Германии – 2,87, США – 2,81%.

Абсолютное большинство граждан Украины (около 95%) преимущественно и в целом доверяют лишь своим семьям и родственникам, к остальным институтам и слоям общества доверие низкое и сверхнизкое. К центральным органам государственной власти, судам, органам правопорядка, политическим партиям его уровень не превышает 5–8%³³. Доверие к «своим» и тотальное недоверие к «чужим» породили в стране такое отрицательное социальное явление, как «кумовство» на всех ступенях общественных, властных и производственных отношений. С позиций экономического и социального прогресса на инновационной основе оно особо опасно при формировании государственной власти, организации и управлении большим бизнесом. На первый план выходят родственные связи в построении властной иерархии в государстве и управленческой иерархии в компании при одновременном сращивании этих иерархий и слиянии власти и бизнеса, тогда как уровень профессиональной компетенции и образованности ее членов остается на заднем плане или вообще игнорируется. Это непосредственно определяет низкое качество управления государством и компаниями, что наглядно подтверждается в Украине.

При такой «кумовской» организации власти и управления в обществе не создаются социальные лифты, теряется мотивация к инициативности, раскрытию человеком творческих и профессиональных способностей, делается невозможной коммерциализация социума на инновационных началах, наконец, общество теряет способность к качественному обновлению и воспроизводству. Недоверие населения имеет отрицательные финансово-инвестиционные последствия и для производства страны. Финансовым учреждениям (банкам и страховым компаниям) преимущественно и полностью доверяют только около 12% граждан. Население отдает предпочтение хранению своих сбережений не в банках, а в наличной форме вне банков. Этот ресурс, по оценкам, составляет около 150 млрд долл.

³³ Здесь и далее приводятся данные опросов, проведенных Институтом социологии НАН Украины «Українське суспільство 2014» и «Українське суспільство 2015». URL: <http://www.i-soc.com.ua>

США и не может быть привлечен на инвестиционные цели именно из-за недоверия к банковской системе, нарушения банками прав вкладчиков и «исчезновения» вложенных в них средств граждан, которые государство в полном объеме не способно, а иногда даже не пытается вернуть.

Все это в сочетании с отсутствием реальных возможностей защитить свои права законным путем порождает у большинства граждан социальную апатию, утрату веры в себя и свои силы, обостряет протестные настроения и общественный радикализм. В частности, 5,5% граждан готовы к радикальным действиям – захвату зданий государственных учреждений (3,1%), созданию независимых от Президента и Правительства вооруженных формирований (2,4%). Этого вполне достаточно для обеспечения устойчивой цикличности острых социальных конфликтов и соответствующей перманентности экономических депрессий и кризисов, что также не раз подтверждалось действительностью. Связь между трансформациями в отношениях собственности и деструктивными социальными явлениями и процессами – непосредственная и прямая. Больше половины граждан (почти 55% в 2014 г.) связывают свое неудовлетворительное материальное и социальное положение с несправедливой приватизацией и передачей большой государственной собственности в частные руки. К сожалению, это не только субъективно и эмоционально сформированное отношение населения к подобным процессам, но и объективная социально-экономическая реальность.

* * *

Таким образом, преодоление деиндустриализации экономики и изменение социально-экономической модели развития украинского общества на основе модернизации производства в его интересах должны начаться прежде всего с исправления деформаций в системе прав собственности путем обеспечения гарантирования и эффективной защиты прав рядовых граждан и субъектов хозяйствования, а также пересмотра результатов перераспределения национального богатства страны. Следует учитывать, что именно институционально-политическая детерминанта стала отправ-

ной точкой для стремительной деиндустриализации Украины, формирования негативных трендов развития украинского общества в разрезе остальных детерминант.

Начать следует с деолигархизации страны, выстраивания двусторонней паритетной связи между обществом и государством, перестройки структуры государственного управления страной исходя из интересов не криминальных олигархических бизнес-групп, но общества и развития внутреннего производства для удовлетворения его социальных, потребительских и инвестиционных потребностей. Большая собственность должна быть деприватизирована и возвращена государству, причем не выборочно, а полностью, в противном случае подобная мера превратится в очередной передел между провластными и оппозиционными олигархическими кланами. Эта собственность должна стать достоянием всего населения страны путем ее «демократизации», присущей социально ориентированным развитым странам мира, т. е. передачи в распоряжение и управление государственным суверенным фондам, акциями которых в равной степени должны владеть все граждане страны.

Наряду с этим следует принять во внимание ряд других обстоятельств. Прежде всего речь идет об учете трендов научно-технологического развития мировой промышленности при выстраивании адекватной им политики развития производства в Украине. Распространение технологий IV промышленной революции на фоне политики преодоления деиндустриализации и стремления повысить занятость в развитых странах будет сопровождаться максимальной локализацией производств, замыканием технологических циклов и цепей создания добавленной стоимости в пределах их национальных юрисдикций или политических союзов, в частности ЕС. Поэтому Украине в перспективе следует ожидать от развитых стран усиления протекционизма и барьеров для входа на их рынки украинских товаров, прежде всего средне- и высокотехнологических, при одновременном навязывании Украине аграрной, ресурсно-сырьевой и низкотехнологической специализации при дальнейшем расширении экс-

пансии продукции этих стран на украинский рынок. Стране не следует рассчитывать на массовое размещение на своей территории высокотехнологических производств из указанных стран. Наоборот, на ее территорию будут перемещаться производства низкотехнологические, не отвечающие по своим техническим и экологическим параметрам регламентам и приоритетам промышленно развитых стран.

Учитывая высокую безработицу в Украине и возможное дальнейшее существенное усиление структурной безработицы, причем как в сфере производства, так и в сфере услуг, вследствие все той же IV промышленной революции, стране следует более осторожно подходить к технологической составляющей модернизации производства, акцентируя внимание не только на безусловном повышении производительности труда, но и на сохранении и возможном увеличении высокопроизводительных рабочих мест в промышленности и секторе услуг, прежде всего наукоемких.

Следует помнить, что внешнеэкономическая детерминанта в виде чрезмерной ориентации производства на внешние, преимущественно сырьевые рынки и доминирующего присутствия на внутреннем рынке иностранной продукции в немалой степени причастна к деградации структуры производства и невыгодной интеграции экономики Украины в мировую, переходу на модель «обедняющего» развития, обострению долговых проблем страны. Модернизация должна сопровождаться мерами существенной диверсификации украинского производства, его отказом от сырьевой и низкотехнологической специализации, от чрезмерной экспортной направленности. Экономике следует переориентироваться при умеренном протекционизме на потребности внутреннего рынка и снижение зависимости от импорта внутреннего потребительского и инвестиционного товарных рынков. Такой шаг позволит приблизить возможности отечественного производства (в части выпуска продукции и роста доходов населения) к привнесенным извне стандартам потребления и потребительского поведения и отказаться от практики жизни взаимно как государству, так и субъек-

там производства и рядовым гражданам. Вместе с тем переориентация производства на внутренний рынок в целом уменьшит зависимость украинской экономики от разрушительных перманентных колебаний мировой конъюнктуры и влияния внешних политических и экономических агентов, чьи интересы по отношению к Украине далеки от помыслов и нужд украинского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.** 2015. *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. Москва: Издательство АСТ. 575 с. [Adzhemoglu D., Robinson Dzh. 2015. *Why Nations Fail. The Original of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow: Izdatel'stvo AST. 575 p. (In Russ.)]
- Барановський О., Сіденко В.** 2004. Проблеми власності та легалізації капіталів і доходів в Україні. *Національна безпека і оборона*. № 2. С. 2–13. [Baranovskij O., Sidenko V. 2004. Issues of ownership and legalization of capital and income in Ukraine. *Natsional'na bezpeka i oborona*. No 2. PP. 2–13. (In Ukr.)]
- Богдан Т.** 2016. Внешняя долговая нагрузка и вызовы для валютно-финансовой политики Украины. *Экономика Украины*. № 7. С. 21–32. [Bogdan T. 2016. External debt burden and challenges for the currency-financial policy of Ukraine. *Ekonomika Ukrainy*. No 7. PP. 21–32. (In Russ.)]
- Вишневский В.** (Ред.). 2013. Промышленная политика и управление развитием промышленности в условиях системных дисбалансов: концептуальные основы. *НАН Украины. Институт экономики промышленности*. Донецк. 180 с. [Vishnevskiy V. (Ed.). 2013. Industrial policy and governance of industrial development in the condition of systemic imbalances: the conceptual framework. *NAN Ukrainy. Institut ekonomiki promyshlennosti*. Donetsk. 180 p. (In Russ.)]
- Гец В.** 2014а. Институциональная обусловленность инновационных процессов в промышленном развитии Украины. *Экономика Украины*. № 12. С. 4–19. [Geets V. 2014a. Institutional conditionality of innovative processes in Ukraine's industrial development. *Ekonomika Ukrainy*. No 12. PP. 4–19. (In Russ.)]
- Гец В.** (Ред.). 2014б. Оцінка впливу Угоди про асоціацію ЗВТ між Україною та ЄС на економіку України. *НАН України. Інститут економіки та прогнозування НАН України*. Київ. 102 с. [Geets V. (Ed.). 2014b. Assessment of the impact of the Association Agreement. FTA between Ukraine and the EU on the Ukrainian economy. *NAN Ukraini. Institut ekonomiki ta prognozuvannya NAN Ukraini*. Kiiv. 102 p. (In Ukr.)]
- Гец В.** 2016. Особенности взаимосвязи экономических и политических предпосылок реконструктивного развития экономики Украины. *Экономика Украины*. № 12. С. 3–21. [Geets V. 2016. Peculiarities of the interrelation of economic and political preconditions of a reconstructive development of Ukraine's economy. *Ekonomika Ukrainy*. No 12. PP. 3–21. (In Russ.)]
- Зимовець В.** 2016. Деформована фінансова модель ведення бізнесу в Україні: інституційний аспект. *Корпоративні фінанси: проблеми та перспективи інноваційного розвитку*: збірник матеріалів I Всеукраїнської науково-практичної конференції. Київ: КНЕУ. С. 98–101. [Zimovets' V. 2016. Deformed financial model of doing business in Ukraine: institutional aspect. *Korporativni finansi: problemi ta perspektivi innovatsiynogo rozvitku*: zbirnik materialiv I Vseukraїнської науково-практичної конференції. Київ: КНЕУ. С. 98–101. (In Ukr.)]
- Ивченко Р., Сколотяный Ю.** 2017. Повторное разграбление, или во что государству и налогоплательщикам обходятся банкротства банков. *Зеркало недели*. № 27. URL: https://zn.ua/finances/povtornoe-razgrablenie-ili-vo-chto-gosudarstvu-i-nalogoplatelshchikam-obhodyatsya-bankrotstva-bankov-254381_.html [Ivchenko R., Skolotyanyu Yu. 2017. Repeated looting, or in that state and taxpayers do bank failures of banks. *Zerkalo nedeli*. No 27. URL: https://zn.ua/finances/povtornoe-razgrablenie-ili-vo-chto-gosudarstvu-i-nalogoplatelshchikam-obhodyatsya-bankrotstva-bankov-254381_.html (In Russ.)]
- Илларионов А.** 2017. Руководство Нацбанка обрушило гривну, увеличило долю российских банков, нарастило госдолг и позволило Януковичу утаить активы. *Гордон*. URL: <http://gordonua.com/publications/doklad-illarionova-rukovodstvo-nacbanka-obrushilo-grivnu-uvlichilo-dolyu-rossiyskih-bankov-narastilo-gosdolg-i-pozvolilo-yanukovichu-utait-aktivy-176269.html> [Illarionov A. 2017. The leadership of the National Bank brought down the hryvnia, increased the share of Russian banks, increased public debt and allowed Yanukovich to hide assets. *Gordon*. URL: <http://gordonua.com/publications/doklad-illarionova-rukovodstvo-nacbanka-obrushilo-grivnu-uvlichilo-dolyu-rossiyskih-bankov-narastilo-gosdolg-i-pozvolilo-yanukovichu-utait-aktivy-176269.html> (In Russ.)]
- Киндзерский Ю.** 2016. Украина: олигархическая ловушка развития в контексте институциональных трансформаций. *Белорусский экономический журнал*. № 4. С. 17–36. [Kindzerskiy Yu. 2016. Ukraine: oligarchic trap of development in the context of institutional. *Belorusskiy ekonomicheskii zhurnal*. No 4. PP. 17–36. (In Russ.)]
- Кораблін С.** 2016. Модель відстаючого зростання: економічні фактори та наслідки для України. *Економіка і прогнозування*. № 2. С. 74–85. [Korablin S. 2016. Lacking growth model: economic factors and implications for Ukraine. *Ekonomika i prognozuvannya*. No 2. PP. 74–85. (In Ukr.)]

Ормоцадзе М. 2016. Украинская рулетка: граждане и бизнес потеряли в банках-банкротах свыше 300 млрд гривен. *Форбс-Украина*. URL: <http://forbes.net.ua/business/1416943-ukrainskaya-ruletka-grazhdane-i-biznes-poteryali-v-bankah-bankrotah-svyshe-300-mlrd-griven> [Ormosadze M. 2016. Ukrainian roulette: citizens and business lost over 300 billion hryvnia in bankrupt banks. *Forbs-Ukraina*. URL: <http://forbes.net.ua/business/1416943-ukrainskaya-ruletka-grazhdane-i-biznes-poteryali-v-bankah-bankrotah-svyshe-300-mlrd-griven> (In Russ.)]

Ярошевич В. 2017. Современные мировые тенденции развития промышленности. *Белорусский экономический журнал*. № 2. С. 21–36. [Yaroshevich V. 2017. Current world trends of industry development. *Belorusskiy ekonomicheskii zhurnal*. No 2. PP. 21–36. (In Russ.)]

Faux J. 2016. *U.S. trade policy – time to start over*. Washington DC: Economic Policy Institute. 14 p. URL: <http://www.epi.org/files/pdf/117717.pdf>

Hale H. 2015. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press. 542 p.

Hitchcock A., Laycock K., Sundorph E. 2017. *Work in progress. Towards a leaner, smarter public-sector workforce*. London: Reform. 90 p. URL: <http://www.reform.uk/wp-content/uploads/2017/02/Work-in-progress-Reform-report.pdf>

Lichtblau K., Matthes J., Fritsch M., Bertenrath, R., Gromling, M., Busch B. 2013. Industry as a growth engine in the global economy. *Institut der deutschen Wirtschaft Kohn*. Cologne. IW Consult GmbH. IW Köln. 162 p. http://www.iv-net.at/iv-all/publikationen/file_637.pdf

McMillan M., Rodrik D. 2011. Globalization, Structural Change and Productivity Growth. *NBER Working Paper No 17143*. 54 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w17143.pdf>

Metz C. 2017. The AI Threat Isn't Skynet. It's the End of the Middle Class. *Wired*. URL: <https://www.wired.com/2017/02/ai-threat-isnt-skynet-end-middle-class/>

Rotman D. 2013. How Technology Is Destroying Jobs. *MIT Technology Review*. URL: <https://www.technologyreview.com/s/515926/how-technology-is-destroying-jobs/>

Sappington D., Stiglitz J. 1987. Privatization, information and incentives. *Journal of Policy Analysis and Management*. Vol. 6. Iss. 4. PP. 567–585.

Scott R.E. 2017. *Growth in U.S.–China trade deficit between 2001 and 2015 cost 3.4 million jobs. Here's how to rebalance trade and rebuild American manufacturing*. Washington DC: Economic Policy Institute. 94 p. URL: <http://www.epi.org/114752>

In citation: *Belorusskiy Ekonomicheskii zhurnal*. 2017. No 3. PP. 26–45.

Belarusian Economic Journal. 2017. No 3. PP. 26–45.

DEINDUSTRIALIZATION IN UKRAINE: WORLD CONTEXT AND NATIONAL FEATURES

Yuri Kindzers'kyi¹

Author affiliation: ¹ Institute of Economics and Forecasting, Ukraine's National Academy of Sciences (Kyiv, Ukraine).

Corresponding author: Yuri Kindzers'kyi (vkpp@ukr.net).

ABSTRACT. The paper is focused on disclosing the determinants of deindustrialization in Ukraine in the context of global trends and national peculiarities of industrial development. Shown are the restrictions of the traditional resource approach to identifying these determinants for the inversion type of the Ukrainian economy, and suggested is an institutional-structural approach, according to which institutional and political, organizational and managerial, foreign economic, structural-production, financial and investment, innovation-technological, and social determinants are identified. Their origin, content and interdependence are presented in the institutional context. Recommendations are given to take into account the identified determinants in choosing the direction of development of the domestic economy and production.

KEYWORDS: deindustrialization, industrial «renaissance», property rights, oligarchy, public administration, debt consumption, depleting development, external dependence.

JEL-code: E61, D02, D24, D63, D72, F43.

Received 31.07.2017

